ДИАЛОГ ГОСУДАРСТВА И ГРАЖДАНСКОГО ОБЩЕСТВА КАК СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКАЯ КАТЕГОРИЯ

УДК 32.001

А. В. ЗАЙЦЕВ

Понятие «диалог государства и гражданского общества» имеет достаточно широкое распространение как в социально-политической практике, так и политологической теории. Однако вплоть до настоящего времени этот термин, несмотря на его весьма интенсивное использование, так и не получил сколько-нибудь обоснованного адекватного теоретического осмысления. Это обстоятельство нередко создает двусмысленное, неверное, искаженное использование данного концепта, который уже давно нуждается в специальном категориальном истолковании с точки зрения социально-гуманитарного знания в целом и, в данном случае, с позиции политической науки. Тем более что сегодня крайне необходима «специальная теория политического диалога, которая могла бы критически проанализировать и синтезировать уже имеющиеся концепты и теории, отражающие диалогические взаимодействия в политической практике современного общества, считает С. П. Поцелуев, автор по сути дела единственной и в своем роде уникальной докторской диссертации по проблемам политического диалога и парадиалога. Однако такой теории пока что нет даже в первом приближении» [9, с. 5]. Данная статья является попыткой определения понятия «диалог государства и гражданского общества» как социально-политической категории современной российской и европейской политической теории и практики.

Диалог как двухстороннюю и/или многостороннюю субъект-субъектную коммуникацию обычно противопоставляют монологу как одностороннюю субъект-объектную коммуникацию. Юрген Хабермас пришел к пониманию гражданского общества как особой сферы, отделенной как от государства, так и от рынка, названной им публичной сферой, где и проистекает диалог государства, бизнеса и гражданского общества. Этот диалог носит не межперсональный, а интерсубъективный характер. Это не общение между различными личностями, а взаимодействие институтов, общественных организаций, коммерческих структур и органов государственной власти. Такое понимание диалога носит опосредованный, метафорический, переносный характер. Это коммуникация, которая осуществляется иными способами и средствами, нежели чем межличностная языковая диалоговая коммуникация в традиционном понимании слова «диалог». Данное обстоятельство позволяет нам говорить об особых разновидностях интерсубъективного диалога, например о межцивилизационном диалоге, о диалоге исторических эпох, о межрелигиозном диалоге, о диалоге культур, о международном диалоге, о межгосударственном диалоге, об энергетическом диалоге, о диалоге в области прав человека и так далее. Особой разновидностью интерсубъективного диалога является диалог государства и гражданского общества.

В западноевропейской литературе выделяют такие разновидности диалога, как социальный (в узком смысле) диалог и гражданский диалог. Понятие «социальный диалог» имеет более длительную историю существования и понимается как социальное партнерство и переговорный процесс в области социально-трудовых отношений. Наряду с государством и бизнесом неотъемлемым участником такого диалога являются организации, институты и структуры «третьего сектора», то есть гражданского общества: профсоюзы, трудовые коллективы, НПО (неправительственные организации), НКО (некоммерческие организации). Еще в 1999 году Еврокомиссия пришла к выводу, что гражданское общество включает в себя следующее: профсоюзы и работодателей («социальных партнеров»), неправительственные организации, профессиональные ассоциации, благотворительные организации, низовые организации, которые вовлекают граждан в местную и муниципальную жизнь. Благодаря этому для политической системы ЕС «характерны последовательный диалог и переговоры между всеми участниками политического процесса в рамках многочисленных, подверженных постоянным изменениям единых сетей политического, экономического и социального характера. Командование и подчиненность уступают здесь место координированию и согласованию» [6, с. 109].

Такой подход позволяет включить социальный диалог (в узком смысле) в более широкое

понятие диалога государства с гражданским обществом. В то же время, если рассматривать работодателей наряду государством и гражданским обществом в качестве «второго сектора» механизма трехсекторного социального партнерства, то такой социальный диалог лишь отчасти совпадает диалогом государства и гражданского общества.

В настоящее время в практике Евросоюза и входящих в него стран сложились три основных формы гражданского диалога:

1. Это так называемый «вертикальный диалог» или «секторальный гражданский диалог» между организациями гражданского общества и их партнерами по диалогу в законодательной и исполнительной власти национальных государств, входящих в ЕС.

2. Вторая форма гражданского диалога — это «трансверсальный диалог». Он понимается как структурированный и регулярный диалог между институтами ЕС и всеми компонентами гражданского общества.

3. Третья форма гражданского диалога — это «горизонтальный диалог» между самими организациями гражданского общества по проблемам развития ЕС и его политики [11, с. 3]. «В отличие от национальных государств официальные структуры Евросоюза проявляют больше готовности к диалогу с организациями гражданского общества» [6, с. 112].

Такое понимание гражданского диалога не позволяет полностью отождествить его с диалогом государства и гражданского общества. Во-первых, сам Евросоюз хотя и имеет признаки государства, но государством в полном смысле этого слова не является. Во-вторых, диалог внутри гражданского общества хотя и является важнейшей формой социальной коммуникации, но к интеракции власти и социума отношения не имеет. Поэтому из трех вышеуказанных форм гражданского диалога в полной мере диалогу государства и гражданского общества соответствует лишь пункт № 1 и отчасти пункт № 2. Все эти три формы диалога в настоящее время равно существуют в ЕС, а развитием гражданского диалога занимаются различные его институты: Европарламент, Еврокомиссия и Европейский экономический и социальный комитет.

Самое же главное условие развития продуктивного диалога между национальными и наднациональными и институтами ЕС и европейским гражданским обществом заложено в Лиссабонском договоре, выполняющем функции так и не принятой конституции ЕС, где в пункте 2 статьи 11 сказано, что «институты поддерживают открытый, прозрачный, регулярный диалог с представительными ассоциациями и гражданским обществом» [3]. В этой же статье, в пункте 5, сформулирована норма, теоретически вводящая в действие механизм прямой законодательной инициативы со стороны социума. «Граждане Союза в количестве не менее одного миллиона человек, принадлежащие к гражданству значительного числа государств-членов, — говорится в документе, — могут выступить с инициативой пригласить Европейскую комиссию в рамках ее полномочий внести соответствующее предложение по вопросам, в отношении которых, по мнению этих граждан, необходимо издание правового акта Союза в целях применения Договоров» [3]. Дело в том, что Евросоюз строит свою политическую систему не только на власти и рынке, как это делает большинство демократических государств, но еще и в целях собственной легитимации включает в нее третий сектор, то есть гражданское общество, публичную сферу и диалог в самом широком смысле этого слова. Данное обстоятельство вполне корреспондируется с хабермасовской теорией делиберативной (коммуникативной) модели демократии, который писал, что «для политики в смысле практики гражданского самоопределения парадигмой является не рынок, а диалог» [10, с. 388].

Делиберативная (то есть совещательная, дискурсивная) модель демократии — это нормативная модель демократического устройства, где важнейшую роль в принятии политических решений играют те или иные разновидности диалоговой коммуникации: дебаты, дискуссии, обсуждения, общественные слушания, опросы общественного мнения и так далее. Джозеф М. Бессет, создатель термина «делиберативная демократия», полагает, что делиберативный процесс способен принимать самые различные формы. «Это может быть согласованный процесс сотрудничества единомышленников..., — пишет этот современный американскиймыслитель, — это может быть процесс, содержащий глубоко укоренившиеся конфликты по поводу основных вопросов или принципов. Он может завершиться единогласным мнением...; он может выявить острейшие разногласия, которые нельзя урегулировать... Он может варьироваться от спокойного обсуждения... до эмоционального обмена мнениями... Это может быть открытая публичная дискуссия... Это могут быть прямые диспуты... Участие может быть ограничено... или привлекать идеи и мнения заинтересованных групп...» [1, с. 75–76].

Еще один видный теоретик делиберативной демократии, Юрген Хабермас, в своей

политической философии использовал термин дискурс, который, по мнению целого ряда отечественных и зарубежных мыслителей, фактически синонимичен термину диалог. «По Хабермасу, дискурс представляет собой диалог,— пишут О. Ф. Русакова и В. М. Русаков,— в процессе которого происходит согласование спорных притязаний на значимость с целью достижения согласия» [7, с. 64]. Представители теории делиберативной демократии, начиная с Дж. Дьюи, являвшегося ее непосредственным предшественником, большое внимание уделяли не столько выборам, в процессе которых демократически избранное большинство легитимизирует свою власть, сколько демократическим процедурам: дискуссиям, дебатам, обмену мнениями, консультациям, консенсусу, компромиссу, толерантности, достигаемым в ходе общественного диалога. «Самый сильный довод в пользу даже тех рудиментарных политических форм, которые уже освоены демократией — всеобщего голосования, правления большинства и т. д.— пишет Дж. Дьюи,— это то, что все они предполагают консультации и дискуссии, в ходе которых выясняются социальные потребности и социальные проблемы». Самой же «насущной потребностью общества» этот английский мыслитель считал «совершенствование методов и условий проведения дебатов» [4, с. 150–151]. «Монолог представляет собой внутреннее, незаконченное мышление», в то время как по-настоящему демократическое общество возможно только «в рамках отношений «лицом к лицу», в ходе прямых трансакций», что «выражается в исконном значении слова «диалог» [4, с. 158].

По мнению автора, «диалог государства и гражданского общества» как таковой существует лишь номинально и является универсально-родовым понятием по отношению к конкретным его проявлениям и разновидностям или, точнее, видам диалога. Конкретными же разновидностями диалога могут выступать общественные консультации, экспертизы, обсуждения, согласования действий, переговоры, прения сторон, споры, дискуссии, дебаты, диспуты, полемика и прочее. Все они в той или иной степени субстанционально связаны с онтологизированной сущностью диалоговой коммуникации в ее амбивалентности к монологической интеракции.

Друг от друга разновидности социального (в широком смысле) диалога отличаются различной степенью напряженности в сфере взаимодействия государства и гражданского общества. Чем выше степень отчуждения, непонимания, аномичности, тем острее тон диалогической коммуникации. И наоборот, чем более налажены когнитивные процедуры в сфере интеракции государства и гражданского общества, тем спокойнее и конструктивнее их коммуникация, протекающая в виде той или иной разновидности диалога. Даже самый острый диалог является не столько конфликтогенным фактором, сколько примирительной процедурой, позволяющей его акторам лучше понять друг друга, уточнить позиции, вникнуть в суть проблем. Такой диалог требует развитой политической культуры, владения основами публичной ораторики, логики и аргуметавистики. Успех во многом будет зависеть от правильно избранной тактики и стратегии коммуникации, где навешивание ярлыков, оскорбление оппонентов или уход от актуальных и злободневных тем, нежелание вступать в интеракцию, молчание, обидчивость конкретных акторов публичного диалогического дискурса могут лишь обострить и без того непростую социально-политическую ситуацию в сфере взаимоотношений государства и структур гражданского общества. И наоборот, коммуникативная компетентность субъектов диалога, владение методами социальной интеракции, правильно избранная стратегия и тактики, аргументированный дискурс, открытость, уважительность к чужому мнению, умение достойно оппонировать, подмечая не только слабости, но и рациональное зерно в позиции других коммуникантов,— способны изменить ситуацию в более благоприятном направлении.

Можно ли диалог государства и гражданского общества рассматривать как политический диалог или, по крайней мере, как его одну из разновидностей? В принципе возможно долго дискутировать по поводу того, существует ли в современной России гражданское общество или же нет. По мнению И. М. Дзялошинского, главный отличительный признак гражданского общества заключается не в наличии большого количества некоммерческих организаций, а в существовании так называемых горизонтальных связей, которые не контролируются властью. Эти «гражданские коммуникации» позволяют людям в рамках гражданского общества осуществлять свободный диалог друг с другом, в том числе и по политическим вопросам [2, с. 32–33]. А «вступая в диалог с властью, отстаивая права и интересы, гражданские организации неизбежно вступают на политическое поприще,— полагает Л. И. Никовская.— Каждая отдельная организация может быть вполне аполитичной, но гражданское общество не существует вне

политики. Более того, оно привносит с собой в политику новые начала, самим своим появлением изменяет принятые традиционными политическими силами правила и представления» [8, с. 55]. Такой стихийно развивающийся диалог должен по мере его развития и углубления приобретать институциональный облик, выражающийся не только в законодательном оформлении коммуникативных процедур, но наличии особого структурно-функционального компонента [5]. Исходя из всего вышесказанного, можно сформулировать следующее определение диалога государства и гражданского общества.

Диалог между государством и гражданским обществом можно определить как делиберативное интерсубъективное взаимодействие на основе двухсторонней (многосторонней) коммуникации с целью нахождения взаимопонимания между властью и социумом, поиска и выявления общих интересов, транспарентного определения социальных позиций, согласования намерений, разрешения конфликтных ситуаций, координации обоюдных действий, корректировки сложившейся ситуации и выработки путем институционализированного публичного дискурса взаимоприемлемых правовых, политических и управленческих решений и мер на ближайшую и/или среднесрочную либо долгосрочную историческую перспективу. Такой диалог можно определить как гражданский диалог, имеющий, одновременно с этим, политическую и социальную (в широком смысле) направленность.

К наиболее распространенным в современной России формам диалога государства и гражданского общества можно отнести деятельность общественно-консультативных советов при органах и институтах государственной власти, общественные слушания, экспертизы, механизмы гражданского контроля, конкретные практики участия, партнерства, переговорные процессы, обращения граждан в органы власти, опросы общественного мнения, интерактивные выступления руководителей власти всех уровней, парламентские и внепарламентские дебаты, агрегацию и артикуляцию интересов социума в СМИ политическими партиями, профсоюзами, органами местного самоуправления и другими организациями и институтами гражданского общества.

1. Джозеф, М. Бессет. Тихий голос разума. Делиберативная демократия и американская система государственной власти [Текст] / пер. с англ. Ю. Шпакова. – М. : РОССПЭН, 2011. – 336 с.

2. Дзялошинский И. М. Гражданские коммуникации и гражданское общество [Текст] / И. М. Дзялошинский // Эмпирические исследования гражданского общества. Сборник материалов общественных слушаний. – М. : Общественная палата, 2009 – С. 32–34.

3. Договор о Европейском Союзе (в редакции Лиссабонского договора) [Электронный ресурс]. – URL: http://eulaw.ru/treaties/teu (дата обращения: 19.07.2011).

4. Дьюи Дж. Общество и его проблемы / пер. с английского И. И. Мюрберг, А. Б. Толстикова, Е. Н. Косиловой. – М. : Идея-Пресс, 2002. – 160 с.

5. Зайцев А. В. Структурность и полифункциональность институционального диалога в социально-политическом дискурсе власти и общества [Текст] / А. В. Зайцев // Власть. – 2011. – № 6. – С. 38–40.

6. Зайцев А. В. Проблемы институционализации политического диалога государства и гражданского общества [Текст] / А. В. Зайцев // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Общественные науки. – 2011. – № 2 (18). С. 27–36.

7. Зайцев А. В. Государство и гражданское общество: институционализация диалогового взаимодействия // Аспирантский вестник Поволжья. Научно-информационный межвузовский журнал. – 2011. № 3–4, – с. 215–217.

8. Зайцев А. В. К вопросу об институционализации диалога государства и гражданского общества в социально-политическом дискурсе современной России [Текст] / А. В. Зайцев // Общество: политика, экономика, право. – 2011. – № 3. С. 13–22 и др.

9. Комлева. Н. А. Специфика политической системы Евросоюза [Текст] / Н. А. Комлева, Д. А. Миронов, Е. М. Петров // Известия Уральского государственного университета. – 2006. – № 42. – С. 106–112.

10. Русакова О. Ф., Русаков В. М. PR дидискурс: теоретико-методологический анализ. / О. Ф. Русакова, В. М. Русаков. – Екатеринбург: УрО РАН Институт международных связей. – 2008. – 365 с.

11. Никовская Л. И. Социальные основания гражданского общества на Западе и в России: состояние и проблемы [Текст] / Л. И. Никовская // Проблемы становления гражданского общества в России. Выпуск 4. – М., 2003. – С. 33–58.

12. Поцелуев С. П. Диалог и парадиалог как формы дискурсивного взаимодействия в политической практике коммуникативного общества [Текст] / С. П. Поцелуев / Авторефетат диссертации... доктора политических наук. Ростов-на-Дону, 2010. 45 с.

13. Хабермас Ю. Вовлечение другого. Очерки политической теории. – СПб. : Наука, 2001. – 417 с.

14. Towards a structured framework for European Civil Dialogue. Brussels, 15 February 2010 [Электронный ресурс]. – URL: http://www.civicforum.fr/documents_towards_a_structured_framework_ for_european_ civil_dialogue.pdf (дата обращения: 19.07.2011).